

«Мы» и «те, кто выше»: обыденное восприятие социального расслоения на постсоветском Дальнем Востоке¹

Юлия Николаевна Ковалевская,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: tupa67@mail.ru

Предметом исследования является восприятие дальневосточниками постсоветского социального расслоения. Важность изучаемой проблемы заключается в том, что справедливость или несправедливость иерархии в обществе представляет собой существенный фактор его стабильности и легитимности государственной власти. На основе полевых источников (интервью) зафиксированы как конкретные формы и практики восходящей/нисходящей социальной мобильности дальневосточников, так и повседневная рационализация и нравственная оценка роста неравенства. Анализ полевых материалов позволил охарактеризовать рыночные реформы на Дальнем Востоке России как инволюцию (перераспределение без развития). Траектории социального расслоения начали формироваться ещё в советское время. Восходящая общественная мобильность была связана с доступом к государственным ресурсам (как материальным, так и силовым) и осуществлялась с помощью неформальных социальных групп и сетей. Перераспределение доходов проводилось не только путём приватизации, но и через практику социального исключения и дискриминации: недофинансирование территорий, труда и социальной сферы, изъятие общественных ресурсов, «ножницы цен» и т.п. Делается вывод, что постсоветское неравенство воспринимается дальневосточниками как чрезмерное и несправедливое. Особое неприятие вызывает снижение доходов и статуса людей, выполняющих трудную и общественно-полезную работу (моряков, рыбаков, шахтёров, строителей, крестьян, учителей, врачей). Они превратились в «работающих бедных» и в своём социальном поведении следуют «этике выживания»: до последнего держатся за «белую» работу, несмотря на снижение и задержки зарплаты; подвергают себя сверхэксплуатации в попытках сохранить привычный уровень жизни; многие готовы зарабатывать «отходничеством».

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президиума ДВО РАН «Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур Тихоокеанской России (1985—2015 гг.)». Проект 15-1-9-009.

Ключевые слова: Дальний Восток России, постсоветское общество, социальное расслоение, неравенство, блат, неформальная экономика, повседневность, практики выживания, инволюция.

“We” and “Those Who Are Above”: Everyday Perception of Social Stratification in the Post-Soviet Far East.

Yulia Kovalevskaya, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: tupa67@mail.ru.

The research focuses on the perception of post-Soviet social stratification by the inhabitants of the Far East. The importance of this issue is that justice or injustice of the hierarchy in the society is a significant factor of its stability and legitimacy of the government. Field surveys (interviews) recorded specific forms and practices of ascending and descending social mobility of the people of the Far East as well as everyday rationalization and moral evaluation of the growth of inequality. The analysis of field surveys made it possible to describe market reforms in the Russian Far East as involution (redistribution without evolution). The trajectories of social stratification started to develop in the Soviet period. Ascending social mobility was associated with the access to state resources (both material and power) and was carried out through informal social groups and networks. The redistribution of income was realized not only through privatization but also through practices of social exclusion and discrimination: underfunding of territories, labor and social sphere, withdrawal of public resources, price scissors, etc. It is concluded that post-Soviet inequality is perceived by the inhabitants of the Far East as excessive and unfair. The income and status of workers of physically demanding and socially useful jobs (sailors, fishermen, miners, construction workers, farmers, teachers, doctors) decreased significantly. These people became “working poor” and followed “the ethics of survival” in their social behavior: they tried to hold the “white” work despite reduction and delay of wages, they exposed themselves to overexploitation in order to maintain the standard of living, a lot of people were engaged in pendulum work migration.

Keywords: Russian Far East, post-Soviet society, social stratification, inequality, “blat”, informal economy, everyday life, survival practices, involution.

В статье рассматриваются повседневные проявления неравенства на Дальнем Востоке России в постсоветский период, а также осмысление этого феномена снизу, т.е. самими людьми в процессе обыденных речевых практик. Поставлена цель ответить на вопросы: насколько «новыми» воспринимаются неравенство и траектории обогащения, прослеживаются ли их советские корни; как дальневосточники объясняют обогащение/обнищание отдельных людей

или социальных групп; произошли ли за 25 постсоветских лет «нормализация» неравенства, его рациональное и ценностное принятие на повседневном уровне; как субъективная оценка неравенства, полученная от жителей региона, соотносится с данными статистики и научной экспертизы?

В статье обобщён материал полуформализованных интервью, проведённых во время экспедиций 2012—2015 гг. (Амурская и Сахалинская области, Хабаровский и Приморский края) сотрудниками Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). Цитаты, используемые в работе, впервые вводятся в научный оборот.

ПРАКТИКИ ОБОГАЩЕНИЯ

Имеющиеся интервью показывают, что оценка степени «новизны» постсоветского неравенства и приемлемости методов обогащения зависит от социальной позиции респондента. Для большинства неравенство является «новым» и «ненормальным». Немногочисленные опрошенные, близкие к номенклатуре СССР, воспринимают практики обогащения как прямое продолжение советского «блата» — неформальной экономики, существовавшей за счёт перераспределения дефицитных ресурсов на основе статуса и личных связей [13, с. 112], — и считают их естественными.

В воспоминаниях основной массы респондентов процесс обогащения новых русских предстаёт как беспрецедентное разграбление предприятий СССР: *«Всё разрушено. Горно-обогатительный комбинат — вся страна строила. По оргнабору по всей Сибири — туда требуется, сюда требуется. А сейчас никого не нужно. Одни магазины. А кто покупает — не понятно»* [25, В014, Амурская обл.].

Особенно негативно «оптимизация» сказалась на дальневосточной деревне: *«Из старых предприятий у нас практически никого не осталось. Сельскохозяйственные предприятия — совхозы — потом они стали кооперативами, потом индивидуальщиками, потом стали ещё кем-то... но в конечном итоге эти предприятия плавно потонули...»* [25, А013, Сахалин].

Обогащение меньшинства воспринимается людьми как результат отчуждения ресурсов жизнеобеспечения большинства: *«В 97-ом году, примерно, мы попали под массовую ликвидацию*

угольной промышленности, тогда было первое банкротство и закрытие, а потом уже на базе этой шахты образовали частное предприятие. Потом были конкурсные управляющие, приходившие временно, набивавшие деньгами карманы и уходившие» [25, А005, Сахалин].

Отчуждалась не только советская общественная собственность, но и частная, созданная уже в 1990-е гг.: *«Люди, 42 человека, остались без воды. Они построили башню и водопровод. В 90-е годы, на свой счёт. Потом не было бака. Потом его получили: совхоз дал. Потом частник всё это присвоил... Непонятно как... Стал продавать воду по дорогой цене... Так ещё и тех, кто ему не угодил, начал отключать» [25, В010, Амурская обл.].*

Даже существующие программы господдержки воспринимаются респондентами как механизм перераспределения собственности в пользу «москвичей»: *«Я вам хочу сказать, да, мы вошли в программу: под 4% мы берём кредит второй раз... Но в один прекрасный момент я почувствовала, что наше предприятие полностью под контролем... Я заметила: всё скупают москвичи» [25, А015, Сахалин].*

Дальневосточные исследователи отмечают, что уже в поздний советский период политика «повышающего выравнивания», т.е. увеличения доходов в сочетании с товарным дефицитом, стимулировала потребительские настроения и рост теневой экономики. С учётом нелегальных доходов привилегированным дальневосточникам, по сравнению с «простыми» жителями региона, было доступно в 6 раз больше ресурсов [9, с. 841].

Полученное интервью человека, близкого к номенклатурным кругам СССР, предоставляет богатый фактический материал, иллюстрирующий тезис Е. Шульман, что «в постсоветской России преимущество получили две группы социально связанных: цеховики (мафия хозяйственная, предприниматели советские) и спецслужбы, партийные и комсомольские... И любые гибридные формы между ними, поскольку они были очень здорово смешаны между собой» [23].

В воспоминаниях о 1990-х гг. зафиксировано, что одним из источников постсоветской бизнес-элиты стали представители теневого бизнеса, которые начали свою деятельность ещё при СССР: *«Он умел шить... И сидел портняжка, да и шил себе джинсы, лейблы у него все были, моряки привозили; клёпки были, всё было фирменное вплоть до того, что и нитки были фирменные, и оверлоки... денег*

у него было так много, что, когда я, к примеру, пришёл к нему и сказал: „Аркан, пять штук надо срочно“... Дошли до сберкассы, дал пять тысяч — никаких расписок никто не спрашивал, понимаешь, на доверии всё было» [25, А023, Приморский край].

Для «новых» постсоветских бизнесменов «старые» подпольные предприниматели могли стать источником первоначального капитала: *«Ему дала денег его сестра, которая поднялась на фарце... Самое главное — первоначальный капитал — ему пришёл оттуда» [25, А023].*

Партийная номенклатура, комсомол, спортсмены были тесно связаны между собой и с теневым бизнесом лично и профессионально: *«Он был аферюгой, но работать он умел. Он мог достать вообще всё и порешать любые вопросы, потому что ставленники комсомола, выходцы из комсомола начинали, допустим, карьеру в комсомоле, а потом переводили кого-то на советскую работу, кого-то в милицию, кого-то в пожарную охрану, кого-то ещё куда-то там. То есть вот это братство комсомольское была такая сила. Это клан, это те, которые держались вместе, объединены были общими интересами» [25, А023].*

В постсоветской экономике огромное значение приобрели «решальщики», посредники между властью и бизнесом, которые с выгодой для себя и всех заинтересованных сторон практиковали «искусство дружбы»: *«В мои действия что входило: решать проблемы... где-то что-то порешать, то есть поехать поговорить, то есть ему нужны были мои связи... Нужны были связи: кто-то в банке работает, кто-то там работает начальником охраны, кто-то безопасностью занимается, кто-то сидит на торговле, разрешение получить нужно было там» [25, А023].*

В критических случаях «решальщики» могли предотвратить рейдерский захват бизнеса и были жизненно необходимы: *«И москвичи... решили захватить эту фирму. Они ему... сделали затоварку: забросили сразу очень много ширпотреба мелкого... и он завис. Вовремя он не уплатил, включается счётчик, и его начинают кошмарить... А я говорю Косте: „Не парься, подожди“. Делаю звонок М... Этот Миха в своё время у меня на подхвате был: я привозил контрабанду, он ею торговал... Миша заезжает с водителем, он же охранник: „Всё ясно. Реквизиты сбросить мне, мы им оплатим... товар потом заберём...“ Руки пожали... и всё, он свалил. Вот так это всё можно было решить, потому что мы друг друга давно знали, мы проверенные» [25, А023].*

Представители других социальных слоёв, безусловно, тоже имели возможность попробовать себя в бизнесе, на государственной службе, но для них «входной билет» стоил дороже, риски увеличивались и существовал определённый «потолок», выше которого подняться было трудно. Там, где блатные, благодаря взаимной поддержке, благополучно преодолевали препятствия, обычные люди шли ко дну или присоединялись к победителям: *«У меня был один знакомый, майор морской пехоты. В 35 лет вышел уже на пенсию, и они с друзьями решили автостоянку организовать на пустом месте. Наехали на них бандиты Б. и говорят ему: „Что, типа, дурака валяешь, иди лучше к нам бригадиром“. Он и пошёл. Жил в гостинке, в прихожей у него стояла бейсбольная бита, он с ней на стрелки ездил»* [25, А000, Приморский край].

ПРАКТИКИ ДИСКРИМИНАЦИИ И СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ

Источником обогащения для нового господствующего класса являются не только приватизация государственной собственности, но и особая форма социального исключения и дискриминации. Её действие можно сравнить с т.н. демоном Максвелла, который пропускает ресурсы (деньги) только в одну сторону. Система распределения финансовых потоков резко иерархична, как в социальном смысле (начальство / рядовые работники), так и в географическом (Центр/периферия). При переходе на нижележащий территориальный уровень средства убывают в геометрической прогрессии: Москва — мегаполисы — краевые (областные) центры — районные центры — сельские поселения.

Природный ресурс, который в советское время был ядром и производства, и расселения, изымается на вышестоящий уровень или присваивается узким слоем привилегированных лиц, чья собственность зарегистрирована в основном в Москве или офшорах. А дальше территория становится дотационной, жители — иждивенцами, сообщество — архаическим, утверждается, что это люди, которые не способны адаптироваться к рынку.

Развитие добывающей промышленности обычно не приводит к развитию территории: *«Где-то у нас миллиард — бюджет района, собственных доходов около 200 млн. Остальное всё из области. [Налоги платят] где-то 600 предпринимателей*

и 2 крупных угольных компании. Компания „С...-уголь“ имеет 500—700 млн убытков. Это то, что показывают. Все их предприятия — С...-1, С...-2 и т.п. — зарегистрированы на Кипре, с уставным капиталом 10 тыс. долларов. Офшорки-обжорки. За что они ненавидят нас, здесь сидящих? Что заставляем платить налоги... Как это так — заставляют налоги платить? Они не платили за 2008 г., 2009 и дальше» [25, А007, Сахалин].

Полевые материалы позволяют утверждать, что с территории изъяли ресурс не только развития, но отчасти и выживания. Локальные сообщества, включая местную власть, вынуждены были изыскивать внешние средства: «...Муниципалитеты в основном глубоко дотационны. Они не имеют возможности решать вопросы. Поэтому они зависимы от области, ими легко манипулировать. Им всё время приходится на поклон ходить к субъекту. Население тем не менее во всех своих проблемах — ЖКХ и пр. — винит местных властей» [25, А007].

Одной из причин обнищания в 1990-е гг. стали задержки и обесценивание заработной платы и социальных выплат, что заставляло людей искать дополнительный доход: «Крутились как могли... Когда работа была, за неё хваталась, чтобы поставить детей на ноги» [29, А005, Сахалин]. Чтобы выжить, приходилось трудиться в нескольких местах: «Перестройку, все эти трансформации... Пережили мы её тяжело. У меня на тот момент ребёнку было 4 года. Работала в библиотеке. Место работы не меняла, но работала на 3 работах» [25, А018, Сахалин].

В 1990-е гг. многие дальневосточники ради выживания производили продукты на дачных участках и даже пытались заниматься фермерством, но после относительной стабилизации зарплат в 2000-х гг. отказались от этих практик, т.к. они не были выгодными: «Я медсестрой, в физкабинете в последнее время работала... Хозяйство держала... 2 коровы, куры, козы, свиньи... Сено косили, у нас трактор был... Деньги, которые на книжке были, вложили в трактор и машину... (Позже) Работала сторожем, потом вахтёром» [25, А008, Сахалин].

Если работы по месту жительства не было или не устраивала зарплата, многие дальневосточники уезжали на заработки. По подсчётам Ю.М. Плюснина, до трети трудоспособного населения РФ — около 20 млн чел. (а по официальным данным — 6 млн чел.) — постоянно ездят в столичную агломерацию или крупные города в качестве т.н. отходников [16]. На Дальнем Востоке этот термин

не используют, обычно говорят о «вахте», «путине», «стройках», но суть остаётся — это возвратная трудовая миграция, когда миллионы людей вынуждены жить на два дома, снимать жильё, нести расходы на еду, одежду, транспорт, лечение в крупных городах. *«Вахта — это дурдом. Я десять лет в Южном на шельфе отпахал, две через две (недели), а сюда киргизы какие-то понаехали. Ну, и кидают их не по-детски, бывает, что и домой улететь не на что. Ещё и морду набьют»* [25, А001, Сахалин].

Как явное проявление дискриминации дальневосточники воспринимают «ножницы цен» — разрыв между стоимостью потребительских товаров и заработной платой, особенно в сельском хозяйстве. Это мнение подтверждается данными статистики: разница цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию в ходе реформы быстро стала огромной: уже в 1992 г. она возросла в 2 раза, в 1993 г. — в 3, в 1998 г. — в 4,5 [2]. В 1990-е гг. средняя зарплата трудящихся снизилась во всех отраслях экономики, но на селе она упала катастрофически. В январе 2001 г. средняя зарплата в сельском хозяйстве России была в 16 раз меньше, чем у служащих банков и страховых компаний. По подсчётам О.П. Фадеевой, доля оплаты труда доярки и скотника в розничной цене молока составляет 1%, доля сельхозпроизводителя в целом не превосходит 20%, тогда как 80% достаётся перекупщикам и сетям розничной торговли [21, с. 66].

Многие сельские поселения и физически, и социально-экономически перестали существовать: в 1990—2000-е гг. в России каждый день исчезало по две деревни, жители которых не вписывались в проводимые реформы [20, с. 9]. Для сельского населения ДФО, особенно северных районов, рыночные преобразования имели катастрофический характер: *«У нас раньше было 10 тыс. га возделанной земли, сейчас всё брошено, практически ни один человек не оформил свой пай... Совхоз Краснопольский был одним из лучших на Дальнем Востоке и в Сибири. 10 тыс. голов скота. Осталось 18 штук. Во всём районе 1300, десятая часть. И всё заросшее вокруг, все поля»* [25, А007, Сахалин].

Модернизация сельского хозяйства в ДФО носит «точечный» характер, а село приобрело многоукладный характер, т.е. в нём присутствуют доиндустриальные формы (ЛПХ), остатки индустриальных (советских) предприятий и отдельные очаги современного уклада (агрохолдинги и др.) [5, с. 18]. Однако всех их ресурсов не хватает для развития сельских территорий и роста человеческого

потенциала. Более того, самые лучшие в производственном отношении предприятия осуществляют меньше всех действий в данных направлениях. Агрохолдингам нужна только земля и минимум рабочих рук, местное население воспринимается как помеха. Зачастую долгожданные инвесторы создают «выжженный социальный ландшафт» [20, с. 32].

Практики экономической дискриминации непривилегированных слоёв сопровождаются активной идеологической обработкой: людям внушается мысль об их ущербности, неэффективности, отсталости. В публикациях СМИ собирательным образом человека, непригодного к рынку, является т.н. совок: «Десятилетия советской власти в России... воспитали новый тип человека. И называют этот подвид человека Совок. Я бы его охарактеризовал так: иждивенец и дома, и на работе. Во всём надеется на чиновника, чужого дядю и партком, которые обязаны обеспечить ему счастье» [12].

Во время полевых исследований нам не встретились люди, которые соответствовали бы мифологическим представлениям о «совке», т.е. сидели бы дома и ждали, когда государство что-нибудь им даст. Возможно, они вымерли ещё до начала исследования. Наши респонденты — пенсионеры, бюджетники, рабочие, специалисты, представители малого и среднего бизнеса, местной власти — демонстрируют стремление и умение «крутиться», активность и взаимопомощь: *«Сами самоорганизовались, сами себе услуги оказываем и взаимодействуем с органами власти... Ну, вообще я говорю, что у нас Совет предпринимателей, то бишь группа предприятий объединилась вокруг нашей организации и сама с собой играет»* [25, А013, Сахалин].

Дальневосточники отнюдь не отличаются каким-то «традиционалистским, пассивным, склонным к патернализму» сознанием, которое им пытаются приписать некоторые авторы из метрополии [8]. А вот по объёму доступного ресурса мегаполисы и малые населённые пункты действительно резко различаются, поэтому жители «первой России», имеющие базовую экономическую и социальную безопасность, могут позволить себе ценности развития, а обитатели «третьей», где никакой базовой безопасностью и не пахнет, вынуждены придерживаться этики выживания.

Наше исследование проходило в отдалённых городах и посёлках «третьей России», и их жители вполне ясно мыслят, очень хорошо формулируют и прекрасно осознают новую иерархию социального и географического пространства:

«— А какого уровня предприятия входят в вашу организацию?
— Всякого рода, всех видов деятельности.
— Крупный бизнес?
— Нет, эти к нам никакого отношения не имеют. Это всё организовано свыше. У нас всё, что организовано на местном уровне» [25, А013].

Повседневной рационализации неравенства, т.е. признания его не просто как факта, а как законной, нормальной части повседневности, судя по интервью, не произошло: «Просто чудовищное расслоение населения... Вот у него триста тысяч долларов часы, понимаешь. Ну не потому, что жалко или потому, что я там завидую, но это непонятно просто. Я понимаю, Бил Гейтс, да? Или другой товарищ, который там „Боинги“ строит. К ним вопросов нету, а вот эти — они же ничего не создали, ничего не сделали» [25, А011, Сахалин].

Здесь частное, обыденное отношение к неравенству полностью совпадает с экспертными суждениями. Так, академик М.К. Горшков утверждает: «Проблема заключается не в негативном отношении россиян к частной собственности вообще, а именно в нелегитимности её распределения в обществе, когда все создававшиеся трудом многих поколений национальные богатства и „от бога данные“ природные ресурсы буквально в одночасье оказались сосредоточены в руках немногочисленной группы крупных собственников» [7, с. 40].

Следует добавить, что именно дальневосточники добывают значительную часть «от бога данных» ресурсов: рыбу, лес, уголь, нефть и газ, — но их поселения, даже в самых богатых регионах (Сахалинская область), не демонстрируют признаков экономического процветания. Парадоксы российского неравенства доходят до того, что рыба, выловленная в Приморье, на месте дороже, чем в Москве; построить дом из леса, срубленного на Дальнем Востоке, дешевле в Белгородской области, чем в самом регионе; Сахалинская область не газифицирована и т.п.

В отдалённых и мелких поселениях происходит обеднение социокультурной среды: в годы реформ были закрыты многие школы, больницы, учреждения культуры, исчезли скверы, парки, асфальтированные дорожки, уличное освещение и т.д. Убитая социальная и культурная инфраструктура таких городов и посёлков зримо отражает истощение ресурсов территории и побуждает людей «голосовать ногами», т.е. уезжать при первой возможности.

Это — главная причина миграционного оттока населения с Дальнего Востока: *«Из школ выпускаются 117 детей — они все уедут. Мы на муниципальный счёт выучили врачей — ни один не приехал. Они говорят: „Вот вам ваши 300 тысяч, а я хочу жить в престижном цивилизованном городе“»* [25, А007]. Мнение о том, что «среда» имеет большее значение, чем материальное стимулирование, повторяется во многих интервью: *«Учителям дают подъёмные деньги, довольно большие деньги по нашим меркам — около 200 тысяч. Но молодёжи нужны не только деньги. Им нужна нормальная среда, чтобы нормально жить, чтобы дети могли тут остаться... Моя подруга учится в Петербурге: она снимает жильё, подрабатывает — но хочет обязательно там остаться. И конечно, ни за какие 200 тысяч она не вернётся»* [25, А017].

СООТВЕТСТВИЕ СТАТИСТИЧЕСКИМ И ЭКСПЕРТНЫМ ДАННЫМ

Анализ полевого эмпирического материала показывает, что повседневное восприятие постсоветского неравенства не противоречит данным статистики и мнениям экспертов, а является вполне адекватным первичным уровнем рационализации описываемого феномена. Безусловно, сам факт выживания в сложных природных и социальных условиях свидетельствует, что дальневосточники обладают повседневным знанием своей реальности.

Ход реформ и уровень неравенства вызвали моральный и интеллектуальный шок не только у обычных людей, но и у многих учёных. Социальная природа постсоветского общества настолько явно не соответствует заявленным целям и перестроечным ожиданиям, что её определение вот уже 25 лет вызывает острые дискуссии. На этом поле выросло множество объяснительных моделей: транзитология; неолиберализм; теория «ресурсного государства» С. Кордонского; концепции «раздаточной экономики» О. Бессоновой, России как феодального общества В. Шляпентоха, неформальной экономики Т. Шанина и др. [3; 10; 15; 22].

Наиболее удачной теоретической рамкой для представленного выше эмпирического материала нам представляется концепция «инволюции» (трансформации без развития) британского исследователя Майкла Буравого: «Произошла мутация социалистической экономики, сдвиг от плана к клану. Ни социализм, ни рынок

не могут помочь в понимании нового порядка, который представляет собой нечто иное. Можно сказать, что неформальная экономика, выросшая в недрах государственного социализма, разорвала свою защитную оболочку и проществовала на международную арену» [4, с. 65].

Количественные параметры постсоветской трансформации отражены в данных статистики. Неравенство доходов в 1988—1998 гг. возросло от скандинавского уровня до латиноамериканского: индекс Джини увеличился с 0,22 до 0,48 [24, р. 3]. В 2007 г. указанный индекс был равен 0,42, затем произошло небольшое снижение до 0,39, а с 2012 г. начался новый рост, по данным на 2015 г. — до 0,41 [18, с. 228].

В РСФСР коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) в 1956 г. составлял 3,28, в 1986 г. — 3,38 [19, с. 147]. Уже в 2000 г. разрыв между доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан в России составлял 13,9, а в 2015 г. — 15,6 [1].

Параллельно росту социального расслоения происходила дифференциация доходов регионов. В 1990 г. в РСФСР максимальная разница в таком среднедушевом доходе составляла 3,5 раза. В 1995 г. она выросла до 14,2, в 1997 г. была равна 16,2, в 2015 г. увеличилась до 25. Произошло и глубокое расслоение между регионами по уровню товарооборота: с 1990 по 2000 г. разница в розничном товарообороте на душу населения выросла от 3,1 до 24,4 раза, а в объеме платных услуг — от 3 до 83,4 раза [2].

Дальний Восток относится к регионам, где резко выражено как социальное, так и территориальное неравенство. Если в целом по стране в 1991—1994 гг. коэффициент Джини увеличился с 0,26 до 0,35, то на Дальнем Востоке он варьировался в разных областях от 0,36 до 0,43. Коэффициент фондов в 1994 г. в среднем по России был 11, а на разных территориях Дальнего Востока — от 13,6 до 17,1 [14, с. 55]. В дальнейшем в регионе сохранялся высокий уровень социального расслоения (табл. 1).

По социальному развитию Дальний Восток находится ниже общероссийского уровня. Реальные денежные доходы населения региона в 1995—2007 гг. выросли в 3,8 раза, тогда как средний показатель по РФ был 4,3. Реальная зарплата в этот же период на Дальнем Востоке увеличилась в 3,7 раза, а среднероссийская — в 5. Во всех субъектах ДФО, кроме Сахалинской области и Чукотского АО, доля населения с доходами ниже прожиточного уровня

в 2008 г. превышала общероссийский (13%): в Амурской обл. — 27,5%, в Корякском АО — 27%, в ЕАО — 26%, в Камчатском крае — 23%, в Приморском крае — 22%, в Республике Саха — 20%. Дальневосточники потребляют мяса и молока на 23% меньше, чем среднестатистические россияне, и в 1,5—2 раза меньше, чем жители региона в 1990 г. [14, с. 59].

Таблица 1

Социальное расслоение на юге Дальнего Востока

Регион	Коэффициент фондов, раз		Индекс Джини	
	2010 г.	2015 г.	2010 г.	2015 г.
Приморский край	12,8	12,7	0,388	0,384
Хабаровский край	13,0	12,3	0,387	0,379
Амурская область	11,1	13,4	0,372	0,392
Сахалинская область	16,0	15,6	0,415	0,413

Источники: [17; 14, с. 63]

РФ лидирует среди европейских стран по уровню неравенства, но его рост наблюдался во всех постсоциалистических государствах [11, с. 110]. В Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) ярко проявляются те же две иерархии, которые сформировались в постсоветской России: социальная и географическая.

Даже в 2014 г. оплата труда в расчёте на 1 час рабочего времени в Германии, Франции и Австрии остаётся выше в 3—5 раз, чем в государствах Вышеградской четвёрки (Польше, Чехии, Словакии, Венгрии), в 4—6 раз, чем в странах Балтии, в 8—9 раз, чем в Румынии, в 14—16 раз, чем в Болгарии [6, с. 30]. По статистике, процент бедных в ЦВЕ примерно такой же, как в старых странах ЕС. Однако в абсолютном выражении бедный в ЕС-15 в среднем в 3,8 раза богаче бедного в ЦВЕ. При этом бедный люксембуржец получает в 11,4 раза больше бедного болгарина и в 16 раз — румына [6, с. 78].

ВЫВОДЫ

Таким образом, и полевые источники (интервью), и статистика показывают рыночные реформы на Дальнем Востоке России как «революцию перераспределения», или инволюцию. Увеличилась дифференциация доходов как в географическом отношении (в зависимости от места проживания людей и размера населённого пункта), так и в социальном (иерархия общественных слоёв).

Рынок выступил катализатором процессов расслоения, вывел их из тени, но не изменил их траекторий, которые начали формироваться в советское время. Повышательная мобильность была связана с доступом к государственным ресурсам (материальным и силовым) и осуществлялась с помощью неформальных социальных групп и сетей. В результате значительная часть как властных, так и экономических отношений относится к нелегальному (теневому) сектору — отсюда частично нелегитимными воспринимаются государство и частная собственность вообще.

Обеднение большинства дальневосточного населения связано не только с особенностями приватизации советских активов, но и со сложившимися практиками дискриминации: перераспределением доходов в пользу федерального и административных центров; отставанием зарплат и социальных выплат от роста потребительских цен и тарифов «естественных монополий»; поддержкой крупного бизнеса в ущерб мелкому; лишением местного населения ресурсов жизнеобеспечения и реальных прав на защиту социальной, культурной, экологической среды.

Рост неравенства и постноменклатурный характер элиты присущи не только России, но и другим бывшим социалистическим странам ЦВЕ.

Возникший в 1990-е гг. и существующий до настоящего времени уровень неравенства не просто осуждается респондентами, а воспринимается как нечто абсурдное, выходящее за пределы здравого смысла. При этом специфика источника (интервью, взятые в 2012—2015 гг., но посвященные перестройке и 1990-м гг.) не позволяет выявить более узкие периоды эволюции как самого неравенства, так и отношения к нему. Перестройка (1985—1991 гг.), с её противоречивыми призывами бороться с «нетрудовыми доходами» и «уравниловкой» одновременно, практически не удерживается в памяти респондентов. Воспоминания строятся по принципу бинарной оппозиции: сравнительное благополучие и равенство советского периода противопоставляются бедствиям и резкому росту неравенства в 1990-е гг., а все последующие годы рассматриваются как «наши дни» и оцениваются не в общем, а ситуативно.

В целом полевые материалы (интервью) являются достоверным источником по проблеме неравенства и не противоречат данным статистики и заключениям экспертов. Более того, они содержат уникальное знание, фиксируют личностную и региональную специфику становления и повседневных проявлений новой социальной иерархии, а также закрепление этого знания в современном языке.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Башкатова А. Россия признана страной неравных возможностей. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-01-17/1_6904_unequal.html (дата обращения: 15.06.2017).
2. Белая книга. Экономические реформы в России. 1991—2001 гг. URL: http://www.patriotica.ru/actual/white_book.html (дата обращения: 15.06.2017).
3. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. 144 с.
4. Буравой М. К теории экономической инволюции: исследование российской эксполлярной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 60—72.
5. Ващук А.С. Формирование многоукладности в дальневосточном селе (конец XX—XXI вв.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 4 (35). С. 7—19.
6. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М.: Институт экономики РАН, 2014. 84 с.
7. Горшков М.К. Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 24—47.
8. Зубаревич Н. Четыре России отменяются. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/12/20/62443-natalya-zubarevich-chetyre-rossii-otmenyayutsya> (дата обращения: 12.06.2017).
9. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5: Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.
10. Кордонский С.Г. Ресурсное государство. М.: REGNUM, 2007. 108 с.
11. Коровицына Н.В. Современные восточноевропейские пути на примере Польши // Новая и новейшая история. 2017. № 2. С. 104—115.
12. Кто такой Совок. URL: <http://j-mihalych.livejournal.com/649018.html> (дата обращения: 11.05.2017).
13. Леденева А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 111—125.
14. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 47—67.
15. Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. 576 с.
16. Плюснин Ю.М. Вдали от государства: отходники и власть в современной России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 1. С. 60—80.
17. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. М.: Росстат, 2016. 1326 с.
18. Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2016. 543 с.
19. Сычева В.С. Измерение уровня бедности: история вопроса // Социальные исследования. 1996. № 3. С. 141—149.

20. Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 7—33.
21. Фадеева О.П. Хозяйственные уклады в современном российском селе // Социальные исследования. 2007. № 11. С. 64—69.
22. Шляпентох В.Э. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008. 368 с.
23. Шульман Е. Интервью программе «Грани недели», 3 ноября 2016 г. URL: <http://echo.msk.ru/programs/graniweek/1867408-echo/> (дата обращения: 21.04.2017).
24. Clarke S. Making Ends Meet in Contemporary Russia: Secondary Employment, Subsidiary Agriculture and Social Networks. Cheltenham: Elgar, 2002. 322 p.
25. Личный архив автора.

REFERENCES

1. Bashkatova A. *Rossija priznana stranoj neravnyh vozmozhnostej* [Russia is Recognized as a Country of Unequal Opportunities]. Available at: http://www.ng.ru/economics/2017-01-17/1_6904_unequal.html (accessed 15.06.2017). (In Russ.)
2. *Belaja kniga. Jekonomicheskie reformy v Rossii. 1991—2001 gg.* [White Book. Economic Reforms in Russia. 1991—2001]. Available at: http://www.patriotica.ru/actual/white_book.html (accessed 15.06.2017). (In Russ.)
3. Bessonova O. Je. *Razdatochnaja jekonomika Rossii: jevoljucija cherez transformacii* [Distribution Economy of Russia: Evolution through Transformation]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2006, 144 p. (In Russ.)
4. Buravoj M. K teorii jekonomicheskoj involjucii: issledovanie rossijskoj jekspoljarnoj jekonomiki [The Theory of Economic Involution: A Study of the Russian Exploratory Economy]. *Neformal'naja jekonomika. Rossija i mir* [Informal Economy. Russia and the World]. Ed. by T. Shanina, Moscow, Logos Publ., 1999, pp. 60—72. (In Russ.)
5. Vashchuk A.S. Formirovanie mnogoukladnosti v dal'nevostochnom sele (konec XX—XXI vv.) [Formation of Multiplicity in the Far Eastern Village (the End of the 20th Century — the Beginning of the 21st Century)]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2015, no. 4 (35), pp. 7—19. (In Russ.)
6. Glinkina S.P., Kulikova N.V., Sinicina I.S. *Strany Central'no-Vostochnoj Evropy: evrointegracija i jekonomicheskij rost* [The Countries of Central and Eastern Europe: European Integration and Economic Growth]. Moscow, Institut jekonomiki RAN Publ., 2014, 84 p. (In Russ.)
7. Gorshkov M.K. Social'nye neravenstva kak vyzov sovremennoj Rossii [Social Inequalities as a Challenge for Modern Russia]. *Vestnik Instituta sociologii*, 2010, no. 1, pp. 24—47. (In Russ.)
8. Zubarevich N. *Chetyre Rossii otmenjajutsja* [The Four Russias are Abolished]. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/12/20/62443-natalya-zubarevich-chetyre-rossii-otmenyayutsya> (accessed 12.06.2017). (In Russ.)

9. *Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5. Obshchestvo i vlast' na rossijskom Dal'nem Vostoke v 1960—1991 gg.* [The History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 5. Society and Power in the Russian Far East in 1960—1991]. Vladivostok, IIAEH DVO RAN Publ., 2016, 940 p. (In Russ.)
10. Kordonskij S.G. *Resursnoe gosudarstvo* [Resource Government]. Moscow, REGNUM Publ., 2007, 108 p. (In Russ.)
11. Korovicyna N.V. *Sovremennye vostochnoevropejskie puti na primere Pol'shi* [Poland as an Example of Contemporary Eastern European Ways]. *Novaja i novejsaja istorija*, 2017, no. 2, pp. 104—115. (In Russ.)
12. *Kto takoj Sovok* [What is Sovok]. Available at: <http://j-mihalych.livejournal.com/649018.html> (accessed 11.05.2017). (In Russ.)
13. Ledeneva A. *Blat i rynek: transformacija blata v postsovetskom obshhestve* [The Pull and the Market: Transformation of the Pull in the Post-Soviet Society]. *Neformal'naja jekonomika. Rossija i mir* [Informal Economy. Russia and the World]. Ed. by T. Shanina, Moscow, Logos Publ., 1999, pp. 111—125. (In Russ.)
14. Motrich E.L., Najden S.N. *Naselenie i social'noe razvitie rossijskogo Dal'nego Vostoka* [Population and Social Development of the Russian Far East]. *Prostranstvennaya ehkonomika*, 2009, no. 2, pp. 47—67. (In Russ.)
15. *Neformal'naja jekonomika. Rossija i mir* [Informal Economy. Russia and the World]. Ed. by T. Shanina, Moscow, Logos Publ., 1999, 576 p. (In Russ.)
16. Pljusnin Ju.M. *Vdali ot gosudarstva: othodniki i vlast' v sovremennoj Rossii* [Far from the Government: Seasonal Workers and the Power in Modern Russia]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*, 2016, no. 1, pp. 60—80. (In Russ.)
17. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2016: Statisticheskij sbornik* [Russian Regions. Socioeconomic Indicators. 2016. Collection of Articles]. Moscow, Rosstat Publ., 2016, 1326 p. (In Russ.)
18. *Rossija v cifrah. 2016: Kratkij statisticheskij sbornik* [Russia in Figures. 2016: Brief Collection of Articles]. Moscow, Rosstat Publ., 2016, 543 p. (In Russ.)
19. Sycheva V.S. *Izmerenie urovnja bednosti: istorija voprosa* [Poverty Measurement: The History of the Question]. *Social'nye issledovaniya*, 1996, no. 3, pp. 141—149. (In Russ.)
20. Toshchenko Zh.T., Velikij P.P. *Osnovnye smysly zhiznennogo mira sel'skih zhitelej Rossii* [Key Meanings of the Lifeworld of Rural People in Russia]. *Mir Rossii*, 2018, vol. 27, no. 1, pp. 7—33. (In Russ.)
21. Fadeeva O.P. *Hozjajstvennye układy v sovremennom rossijskom sele* [Economic Structures in a Modern Russian Village]. *Social'nye issledovaniya*, 2007, no. 11, pp. 64—69. (In Russ.)
22. Shljapentoh V.Je. *Sovremennaja Rossija kak feodal'noe obshhestvo. Novyj rakurs postsovetskoj jery* [Contemporary Russia as a Feudal Society. A New Perspective of the Post-Soviet Era]. Moscow, Stolica-Print Publ., 2008, 368 p. (In Russ.)
23. Shul'man E. *Interv'yu programme "Grani nedeli"* [Interview to the Program "The Edges of the Week"]. November 03, 2016. Available at: <http://echo.msk.ru/programs/graniweek/1867408-echo/> (accessed 21.04.2017). (In Russ.)
24. Clarke S. *Making Ends in Contemporary Russia: Secondary Employment, Subsidiary Agriculture and Social Networks*. Cheltenham, Elgar Publ., 2002, 322 p. (In Eng.)